

ЗЕРКАЛА СОЧУВСТВИЯ: МЫШЛЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ Н.Н. СТРАХОВА В ИСТОЛКОВАНИЯХ Ф.Э. ШПЕРКА И Ю.Н. ГОВОРУХИ-ОТРОКА**

В статье исследуются основания и главные содержательные моменты отношения к творчеству Николая Николаевича Страхова Ю. Н. Говорухи-Отрока и Ф. Э. Шперка. В сравнительном ключе рассматриваются некоторые личностные предпосылки и философско-литературные исторические контексты развернутых очерковых высказываний о Страхове, сделанных незадолго до и сразу после смерти философа. Авторы анализируемых философско-публицистических статей демонстрируют герменевтические стратегии анализа наследия своего учителя. В свою очередь, рассмотрение их работ как представляющих голоса разных поколений русских мыслителей позволяет обнаружить постепенное нарастание дистанции и соответствующее изменение выделяемых черт, даваемых характеристик и оценок творческой личности и философии Н. Н. Страхова.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк, герменевтика, эпистемология, русская философия.

Mirrors of empathy: Nikolai Strakhov's thinking and personality interpreted by Feodor Shperk and Yuri Govorukha-Otrok. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article examines the grounds and the main moments of meaningful relationships between Nikolai N. Strakhov and his followers, Yuri N. Govorukha-Otrok and Feodor E. Shperk. It deals in a comparative manner with some personal background, philosophical and literary historical contexts of essay-statements about him, made just before and immediately after the philosopher's death. Both of the followers demonstrate the hermeneutical analytic strategies towards their teacher's works. To consider their interpreting voices is to represent different generations of Russian thinkers and to reveal a gradual increasing distance between them and their teacher and a corresponding change in the features they focused on and characteristics they gave to Strakhov's personality and philosophical narrative.

Keywords: Nikolai Strakhov, Yuri Govorukha-Otrok, Feodor Shperk, hermeneutics, epistemology, Russian philosophy

В последний год жизни Н.Н. Страхова (1828–1896) и сразу после его смерти, с промежутком в полтора месяца, были опубликованы очерки его мышления и личности, авторы которых принадлежали к сторонникам мыслителя и, вместе с тем, были его молодыми критиками. Автор первого из очерков, Ф.Э. Шперк (1872–1897), по возрасту го-

дился Страхову во внуки; автор другого, Ю.Н. Говоруха-Отрок (1850–1896) – в сыновья. Отзывчивость и свобода толкования, с которыми были написаны очерки о «просвещеннейшем человеке России», весьма выгодно отличают их от попыток понять страховское мировоззрение линейно или дисциплинарно, через отнесение его к существу-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: molena64@yandex.ru

© Е.Н. Мотовникова, 2015

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336.

ющим школам и направлениям в едва развившейся профессионально, только обретавшей свой голос русской философии. Такие попытки делались в кругу университетских профессоров философии – Н.Я. Гротом, А.И. Введенским, Э.Л. Радловым – и затем много послужили сохранению памяти о Страхове, сосредоточению общих положительных представлений об особом нравственном и творческом облике мыслителя, его «светлом рационализме» (Н.Я. Грот), но в эпистемологическом отношении были довольно поверхностны¹. Куда больший вклад в понимание оснований мировоззрения Страхова внесли Б.В. Никольский и В.В. Розанов. Каждый из них по-своему уточнял «географию» страховского мировоззрения как целостного, тяготеющего к органическим формам выражения; но в обоих случаях оставался без внимания собственно «органон», личностная рациональная герменевтика Н.Н. Страхова².

¹ Наименее удачными были размышления Э. Радлова, в которых явным образом дала себя знать идеологическая мотивация, приверженность Радлова идеям В.С. Соловьева и, судя по всему, квазикритическим соловьевским оценкам страховской философии, – вплоть до насыщенной отрицательными оценочными суждениями статьи о Страхове, подготовленной Э. Радловым и С. Венгером для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Радлов свел понимание философии Страхова к пропедевтическому минимуму, представив ее как философию для начинающих. Это было подменной, своего рода онтологизацией стиля Н.Н. Страхова, стремившегося к ясности своего письма; легкое чтение при этом никогда не предполагалось.

² Крупнейшими современными исследователями мировоззрения Н.Н. Страхова в конце XX – начале XXI вв. стали Н.Н. Скатов, возобновивший внимание к особому положению Страхова в истории литературной критики, (см. напр., новейшую версию: [10]) и Н.П. Ильин, указавший на Страхова как на крупнейшего позабытого мыслителя в трагической истории русской философии; Ильиным же была впервые обстоятельно представлена энциклопедически целостная и критическая философия науки Н.Н. Страхова, предвосхитившего, а в некоторых отношениях и превзошедшего, теоретические инициативы в области философии естествознания XX в. (См.: [4, с. 439-544; 3]). Особую инициативу по реконструкции архивного наследия проявила М.И. Щербакова, опубликовавшая юношескую переписку Страхова с его духовником [12]. Актуализация Н.Н. Страхова в западной интеллектуальной истории произошла благодаря Л. Герштейн, указавшей на Страхова как на особого русского славянофила [13], и канадским исследователям наследия Л.Н. Толстого, содействовавшим переизданию беспрецедентной переписки Толстого и Страхова и др. Первое современное исследование философской герменевтики Н.Н. Страхова было предпринято П.А. Ольховым (см.: [6]).

Очерки Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока оказались малозамеченными – и тогда, когда они только были опубликованы, и теперь, в ситуации довольно стремительного развития современного страховедения. Представленные в публицистической форме на страницах «Нового времени» и «Московских ведомостей», они принадлежали авторам, ушедшим из жизни вскоре после смерти Страхова, и не были интересны философскому сообществу, тяготеющему то к софиологии, то к марксизму, то к его антиподам. Страхов быстро забывался и в течение многих десятилетий оставался на крайней периферии литературоведческого внимания. К середине 2010-х гг. многое изменилось; в обстановке всевозрастающего интереса к страховскому наследию появились и новые оценочные расхождения, и новые конфликты интерпретаций. Исследование очерков Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока, опубликованных теперь вполне репрезентативно, в контексте их биографий, на мой взгляд, позволяет существенно уточнить историю памяти и забвения Страхова-философа.

* * *

Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1852?–1896) был ярко выраженной художественной натурой, таинственные детали ранней биографии которой остаются не проясненными до конца. Его литературные и театральные интересы с юности дополнялись общительностью и увлеченностью социальными вопросами, что привело его к сближению с народниками. После вызванного этими контактами ареста, в тюремном заключении, с ним произошел религиозный переворот и радикальный перенастрой на православие и славянофильство (см.: [2, с. 5–26]). Современники отмечали в нем некую загадочность, задумчивость, рассеянность при чрезвычайной работоспособности и глубине мысли литературного критика [8, с. 459–462, 467–469]. Для Говорухи-Отрока Страхов был последним живым представителем почвеннических кругов «Времени» и «Эпохи» Ф.М. Достоевского, «органической критики» Ап. Григорьева и культурно-исторической концепции Н.Я. Данилевского, то есть одним из тех учителей, благодаря которым состоялось его второе рождение³. Личное знакомство и периодическое общение со Страховым в 1890-е гг. во время его приездов в Москву еще усилили симпатии Говорухи-Отрока к философу [2, с. 19–20].

Страхов со своей стороны тоже заинтересованно приглядывался к талантливому, проницательному критику, который в статьях своих не скры-

³ Другим главным его учителем был К.Н. Леонтьев.

вал славянофильской ориентации и сочувствия к Страхову, активно полемизировал с главным оппонентом Страхова в 1880-90-е гг. – Вл.С. Соловьевым⁴. В письмах к Толстому Страхов оставил о Говорухе немногословные, но красноречивые замечания. Так, в сентябре 1891 г. он писал: «В Москве я <...> познакомился с Говорухой-Отроком, провел с ним целый вечер, но к удивлению нашел в нем что-то загадочное...» [7, с. 436], а через два с половиной года, в марте 1894 г., – все еще как о малознакомом: «А что Вы скажете о Говорухе? Он пишет, что пленен Вами, что с Вами разговаривал... несомненно – человек с умом и характером» [7, с. 456]. Хорошо знавший и любивший обоих В.В. Розанов отмечал, что Страхов «находил в нем существеннейшую черту критика: любовь к литературе в ее *собственных* задачах и оценку каждого порознь литературного произведения с точки зрения правильности способов, в нем употребленных для осуществления такой задачи» [8, с. 458]. Собственную же задачу литературы писатели страховского круга понимали в духе принципов «органической критики» Ап. Григорьева – не эстетически только и не в служении социальной злобе дня, а как духовную задачу, решаемую художником и проясняемую для читателя критиком. Понимающие стратегии были руководящими для критической работы Говорухи-Отрока. «Черта его [человека] характера, выведенная в том или ином литературном произведении, – черта характера, не скрытая в себе писателем, – его занимала более, чем всякий новый закон или предполагаемая важная мера. <...> Человек, его лицо, его сердце, и никогда “человечество” 60 годов – его занимало» [8, с. 463]. В этом же ключе написана и интересующая нас статья Говорухи-Отрока о Страхове.

Сторонником и продолжателем традиции григорьевской «органической критики» был и Федор Эдуардович Шперк (1872–1897), человек с оригинальным, свободным и страстным мышлением. В отличие от Говорухи-Отрока, который развивался вглубь, от слова к мысли, Шперк трудно двигался от мысли – от увлечения Спинозой, от построения «своей» философии – к слову, к умению выражать мысль понятно⁵. Шперк познакомился с Розановым по переписке, так же как сам Розанов двумя годами раньше познакомился со Страховым, но если Розанов был всегда почтителен со Страховым, то Шперк позволял себе в письмах к Розано-

ву весьма дерзкие замечания, которые потом перешли в его статьи и стали причиной скандальной репутации молодого критика⁶.

Ко всем без исключения пишущим современникам Шперк относился резко, без пиетета, в том числе и к Страхову, часто высказывался о нем критично и даже местами уничижительно. Но его собственные суждения о разных предметах часто до странности похожи на страховские: «прекрасно мыслящих на свете много, а методически мыслящих – очень мало» [11, с. 56]; восхищение прочитанными в подлиннике схоластами, их блестящим умом и выделение из них особенно блестящего Франсиско Суареса, которым Страхов тоже восхищался [11, с. 58]; суждение о противоречии Вл. Соловьева: «Неужели честный по отношению к своей мысли, он может быть бесчестным по отношению к чужой» [11, с. 63] и множество других. Иногда эти сближения принимают вид некоей герменевтической переключки. Так, например, Н.Н. Страхов писал В.В. Розанову о слабости его философской книги «О понимании», что в ней слишком мало «твердости и определенности» слишком подвижной мысли, «много систематичности и общих обзоров и новых категорий» [9, с. 12]. Перечитывая это письмо, Розанов вспомнил, что и Шперк называл эту же книгу неодобрительно «*географией* ума человеческого». Очевидно, словцо это вспомнилось Василию Васильевичу по аналогии со страховской оценкой, тоже подчеркивающей масштабность и описательность в подходе молодого автора к задаче понять и выразить все формы и направления деятельности ума человеческого. Но только Страхов писал аккуратно, щадяще и сопровождал критику полезными рекомендациями, а Шперк прямо говорил, что ему не нравится «ездить по географии», он предпочитает «странствовать». Или, например, с точки зрения наших историко-философских «общих мест» странно такое признание Шперка, сделанное в письме Розанову после смерти Страхова: «...однажды Страхов сказал мне: пессимизм как мировоззрение имеет свои глубокие основания. Почему-то я не остановился тогда на этой мысли, и мне неизвестно, в чем он видел правильность пессимизма. Но что-то мне кажется, что, действительно, пессимистическое мирозерцание верно в своей основе. Отрицательные стороны земного существования служат самым убедительным указателем положительности некоторого иного рода бытия» [11, с. 66]. Реплика эта появляется в кон-

⁴ См. раздел IV в: [2].

⁵ См. особенно письма Шперка к Розанову в: [11, с. 39-75]; о проблеме языка у Шперка и ее решении, в котором принимал непосредственное учительское участие Н.Н. Страхов, см.: [11, с. 302-303].

⁶ См.: Письма Ф.Э. Шперка к В.В. Розанову [11, с. 39-75], особенно см. с. 53 и с. 55; а также [11, с. 303, с. 287-289; 9, с. 250-251].

тексте суждений об индивидуальной и абсолютной воле, о Ницше, о психологическом и религиозном мистицизме, – Шперк, впрочем, не связал оставшееся в его памяти высказывание Страхова с Шопенгауэром, хотя считал их ближайшими по духу философами. Ему, по-видимому, не пришлось и прочитать страховского предисловия к переводу А.А. Фета книги «Мир как воля и представление», где речь шла как раз о религиозном пессимизме.

Розанов познакомил Страхова со Шперком – и они успели почти подружиться. Розанов писал об их встречах: «Больной и тяготясь посещениями даже старых друзей, Страхов – ранее не расположенный к нему за некоторые писания – после двух-трех свиданий уже искал новых. “Был Шперк, просидел три часа – и не утомил меня”, – помню я его замечание, кажется, даже не без удивления сказанное» [11, с. 304]. Такой переход от взаимной антипатии к симпатии Розанов объяснял больше всего диалогическим талантом Шперка. «Особенность беседы с ним заключалась в том, <...> что не чувствовалось вовсе никакой внешней преграды, которая задерживала бы непониманием или неправильным отношением вашу мысль, как и обратно вы чувствовали себя не защищенным, не закрытым от его мысли или слова» [11, с. 304].

Взгляд внимательного В.В. Розанова отметил среди прочих характерные черты, противопоставляющие Шперка «рассеянному» Говорухе: «Он был всегда и ко всему окружающему насторожен: никакой рассеянности, как и ничего наивного, в суждениях у него не было» [11, с. 304]. «Никакой мишурой или кажущейся “знаменитостью” его нельзя было обмануть: он зорко ее выглядывал, злобно кидался на нее... <...> Его вступление в литературу обещало прекрасную борьбу против того, что мы называли “общими местами” – против “общих мест” в понятиях, в отношениях, в оценках» [Шперк, с. 304]. Здесь Шперк в изображении Розанова «неподкупен», как Страхов, но только зол и горяч, неутомим и инициативен – Страхов все-таки, когда мог, позволял себе (а еще больше мечтал позволить) не вмешиваться в споры из-за «общих мест».

Один из сравнительно тихих шагов вступления Шперка в литературу – его очерк о почтенном писателе Н.Н. Страхове в «Новом времени»⁷, очевидно, положительно тем оцененный (в день выхода статьи, 15 декабря 1895 г., Страхов подписал

свою летнюю яснополянскую фотографию «Федору Эдуардовичу Шперку для начала дружбы»⁸). Шперк начинает этот свой очерк с указания на 40-летие литературной деятельности Н.Н. Страхова и задается вопросом: почему так мало внимания уделялось за эти годы столь немало потрудившемуся автору? Через ответ на этот вопрос критик решается «в некоторой степени, разгадать и самого писателя» [11, с. 122]. Три части статьи посвящены анализу препятствий для широкой популярности Страхова – качеству его философии, индивидуальным особенностям стиля мышления и письма и его методу.

Первая из трех частей статьи утверждает сходство судьбы и личности Страхова с Шопенгауэром «в общем духовном облике и родственной писательской участи» [11, с. 122], а именно: (1) превосходная степень начитанности и преданности литературе [11, с. 122]; (2) «прямота, добросовестность их мысли, этический характер их философской деятельности»⁹ [11, с. 123]; (3) непонятость современниками в своих главных трудах, имеющих аналогичные названия – «Мир как воля и представление» Шопенгауэра и «Мир как целое» Страхова – и являющихся наиболее ясными философскими системами своего времени [11, с. 123]. Если искать причины непризнания не в «судьбе», а в самих произведениях, то ответ Шперка таков: «...Ясные, определенные философские произведения всегда труднее темных и неопределенных. <...> ...Неопределенным и темным – вы можете приписать все, что хотите, все свои мысли, которые, хороши или дурны, понимаете сами, а <...> точным и определенным – вы ничего своего не можете приписать. <...> Мыслителей этих нельзя по-своему истолковать, а непременно надо стараться понять их; понять же истинного мыслителя нелегко: на то требуется и труд, и время...» [11, с. 124]. Н.Н. Страхову, должно быть, пришелся по душе этот пассаж – во всех своих статьях и кни-

⁸ Опубликована в: [11] в составе иллюстраций.

⁹ Здесь Ф.Э. Шперк, по-видимому, впервые в широкой печати публикует сравнение не мнений и взглядов, а целостных личностей Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева, в своем стиле прямо «выгодно отличая» первого: «Вообще, Страхов и В. Соловьев – антиподы. В Страхове как писателе так же мало поэтичности или, вернее, поэтического излишества г. В. Соловьева, как мало в г. Соловьеве прямоты и писательской искренности Страхова». Уместно вспомнить, что именно «проницательному и гениальному» Шперку принадлежит афористическая характеристика Соловьева как не этической, а эстетической личности, высказанная в частном разговоре с Розановым и, думаю, по-прежнему нуждающаяся в тщательном исследовании.

⁷ Статья Шперка «Н. Н. Страхов. Критический этюд» была подписана псевдонимом «Орь», опубликована в газете «Новое время» 15 декабря 1895 г. (№ 7112) [11, с. 122-128].

гах он обращался к читателям и критикам именно с призывом мыслить самостоятельно и понимать чужую мысль.

В заключение этого рассуждения Шперк подчеркивает непростую герменевтическую задачу, вытекающую из «совершенно своеобразной индивидуальности» Страхова: «надо обладать известным чутьем индивидуальности, чтобы не ошибиться в нем, а то как раз не заметишь «слона» в его произведении» [11, с. 124]. Характеризуя во второй части статьи особенные «свойства ума нашего писателя», Шперк дает оригинальную стилистическую характеристику Н.Н. Страхова, продолжая и развивая тем самым усилия В.В. Розанова, который больше всех систематически рецензировал страховские работы при жизни философа и писал в них, в том числе, и об особенностях личности Н.Н. Страхова.

Ф.Э. Шперк придумал назвать ум Страхова «периферийным», подразумевая под этим «такой ум, который тяготеет не к средоточию, а к периферии созерцаемых явлений» [11, с. 124]. В этом он находит причину главной претензии читателей к Страхову, «некоторой неполноты», «отрывочности или, вернее, недосказанности» его статей [11, с. 124-125], неоднократно отмеченной и Розановым, и Толстым. «Недостаток этот, правда, обусловлен в свою очередь и некоторым крупным достоинством – обстоятельностью, детальностью мысли. У центральных умов этой обстоятельности, подробности мышления не бывает», – развивает Шперк свою мысль, – «Страхов, например, прекрасный характеризатор литературных явлений, но редко-редко вы найдете у него то, что так обычно встречать у европейских критиков – сжатое и точное определение какой-нибудь индивидуальности» [11, с. 125]. Главной же стилистической характеристикой Страхова Шперк считает чрезвычайно редкую у современных писателей «цельность и связность» [11, с. 125]. «Стилистическая связность, однако, есть не что иное как внешне обнаружившаяся связность, неразрывность цельности умственной», встречающаяся только у великих мыслителей [11, с. 125]. Обращая внимание на страховскую требовательность в плане естественности, искренности мысли и речи (отсутствия «деланности», «ходульности», как говаривал Страхов словами Ап. Григорьева. – *прим. авт.*), Шперк подчеркивает: «...одно из отличительных, наиболее характерных качеств страховского “писательства” есть, именно, отсутствие всякой риторики, т.е. выражения того, чего нет в самом писателе. Всякое слово Страхова есть продукт мысли. В мышлении же Страхова нет никаких

“пробелов” – факт не только замечательный, но и чрезвычайно редкий» [11, с. 125]. И, возвращаясь к «простоте» страховских текстов, «не особенно выгодной для писателя» с точки зрения привлечения внимания, еще раз выделяет ценность внутренней оригинальности мысли, скрывающейся под внешней простотой выражения [11, с. 126].

В последнюю, третью часть статьи Шперк поместил рассмотрение главного свойства мышления, а по мнению Шперка, и самой личности Страхова – его философского метода, причем особенно его восхитило замечательное самопонимание, самопознание Страхова в этом своем свойстве [11, с. 126]. И симпатия Страхова к Декарту, и признание Ап. Григорьева «самым содержательным и философичным из русских критиков» – все эти предпочтения, утверждает Шперк, основаны на общем для них методологизме мышления. Соглашаясь с правотой страховских методологических оценок и самооценок, Шперк делает от себя два интересных замечания, помогающих объяснить, почему при всей ясности и кажущейся популярности изложения Страхов может быть всегда только «писателем для немногих» [11, с. 127]. Эти взаимосвязанные замечания суть (1) формализм и (2) отсутствие стилистического чутья, «которое есть достояние современности». Для литераторов поколения Шперка и моложе – Страхов архаичен в своих критических приемах формально-содержательного анализа художественных произведений [11, с. 128]: на дворе уже эпоха символизма и декадентства, к которым «старомодный» Страхов если не враждебен, то и «нечувствителен» (а по существу, конечно, глубоко чужд как приверженец «архаического» чтения древних и средневековых книг и толстовского художественного реалистического идеала «красоты, добра и правды» – *прим. авт.*). Но и в научной и философской областях, где формальная методология, наоборот, стала к концу века общепризнанной и «законной», Страхов не может рассчитывать на популярность у молодых читателей в силу своей акцентированной формальности, «некоторого особого рода “бессодержательности”» [11, с. 127]. Этот формальный методологизм просто неинтересен молодежи¹⁰, а в главных задачах и непонятен в силу отсутствия у нее необходимого рефлексивного опыта. «Страхов по природе, по своему значению – истинный учитель, но учитель не молодежи, а учителей этой молодежи. Он истинно полезный писатель для созревших продуктивных умов» [11, с. 127]. Сам

¹⁰ Как видно, здесь Шперк радикально противоречит Радловской оценке философии Страхова как пропедевтической (см. сноску выше).

Ф.Э. Шперк, очевидно, не успел вполне развить свои философские задатки – и его «Диалектика бытия» [см. 11, с. 272-285], и концептуализация «христианского стиля русской литературы» [см. 11, с. 80-101] грешат не только всегдашними недостатками теоретизма. Похоже, что избыток критицизма и энтузиастическое стремление выйти на некие небывалые прежде рубежи истинного миропонимания помешали Шперку заметить существенную вторичность своих идей, являющихся, на мой взгляд, продолжением и приложением философского и литературного органицизма.

В отличие от сугубо оригинального Ф.Э. Шперка, Ю.Н. Говоруха-Отрок в своих «Литературных заметках»¹¹ о Страхове не скрывает своей идейной близости к славянофильским кругам и, между прочим, не маскирует прямых параллелей с недавно изданной статьей Шперка. Как и Шперк, он начинает со стихотворного эпитафия и заканчивает статью рассуждением о трудности понимания страховских внешне простых и ясных текстов. При этом статья Говорухи окрашена глубоким личным чувством к только что скончавшемуся писателю-философу. Вспоминая слова из письма, в которых Страхов выражал признание и признательность за верное понимание своих писаний, Говоруха-Отрок ставит перед собой задачу написать очерк «кратко, ясно, точно», как любил писать и читать сам Страхов, постараться выполнить завет учителя «выбрать как центральный пункт» правильный подход, наилучшую постановку вопроса [1, с. 4].

Определяя главную особенность творчества Страхова в области философии и литературной критики, Говоруха опирается на суждение рассматриваемого писателя о том, что они «находятся в тесной и органической связи. В истинной критике он совершенно основательно видел “некоторое философское рассуждение”, как однажды выразился он сам» [1, с. 4]. Говоруха-Отрок обходится без аналогий и сравнений, сразу переходит к характеристике индивидуальности Н.Н. Страхова. Более того, Говорухе, очевидно, были хорошо известны возражения Страхова против зачисления его в определенную литературную «партию», он хорошо знал разнообразное по идейному содержанию творчество писателя и поэтому считал, что Страхова можно понимать только как индивидуальность. «...Это большой труд, самому определить мировоззрение, симпатии и антипатии

писателя. Для этого нужно тщательное изучение его произведений, нужно проникнуться духом его. Ярлык устраняет все эти трудности: раз писатель зачислен в ту или иную категорию – нечего о нем много думать. К покойному Николаю Николаевичу применить этот легкий прием почти невозможно <...> Он не был ни либералом, ни консерватором, ни западником, ни славянофилом – в его писаниях есть оттенки, отделяющие его ото всех этих мнений, и сам он никогда не причислял себя ни к одному из этих литературных течений» [1, с. 4].

В статье Говорухи-Отрока, так же как и у Шперка, содержится немало формулировок, ставших «классикой» современного страховедения. К таким классическим афоризмам относится приводимое Говорухой определение, данное Страхову «одним высшим духовным лицом», назвавшим его «просвещеннейшим человеком в России» [1, с. 4]. Говоруха это определение горячо поддерживает и истолковывает в конечном счете своеобразно: «Вот совершенно верное определение, вот кем он был. Склоняясь по своим симпатиям более всего к славянофильству, он, как писатель, подвергал своему *просвещенному* суду и славянофильство, точно так же как и западничество. Как человек истинно просвещенный, он был литератор независимый. При высочайшем уважении к авторитетам, он признавал авторитетом только то, что выдерживало критику серьезной мысли, что и в свете *вечного* не только не теряло, но и выигрывало. Свободу суждения, свободу критики он ценил выше всего, и этим ярко отличался от иных наших проповедников свободы...» [1, с. 4]. Страхов судил Запад и западные авторитеты, и наших, российских западников «с точки зрения *тех вечных истин* научных и философских, которые были выработаны вековой культурой самого Запада, вековыми усилиями его гения. Все три его книги, озаглавленные “Борьба с Западом”, посвящены именно такому суду» [1, с. 5]. «Критика литературная у Страхова тоже носит философский характер, поскольку все его, даже самые незначительные текущие статьи, содержат обнаружение самых общих, глубинных оснований рассматриваемого явления, критику его с позиций «вечных истин» [1, с. 4]. Как видим, ключевым понятием при истолковании Говорухой-Отроком «просвещенности» Страхова является не «свет разума», а свет «вечных истин», лишь открытых разумом, который затем в своей свободе (индивидуалистически трактуемом «просвещении») впадает в заблуждение, теряет вечные истины и именно за это попадает под огонь страховской критики. Статья Говорухи помогает понять, почему оппо-

¹¹ Постоянная рубрика Говорухи-Отрока в «Московских ведомостях», в которой он писал под псевдонимом «Ю. Николаев» и в которой была опубликована статья «Н. Н. Страхов».

ненты Страхова обвиняли его одновременно с разных сторон в «фальшивости» и «хитрости», в «скрытом западничестве» и в «реакционном мракобесии». Говоруха-Отрок в этом смысле стоял на конгениальных Страхову позициях в отношении «вечных истин», и потому Страхов, посылая Говорухе последний третий том «Борьбы с Западом», написал ему «Вы меня так хорошо знаете и понимаете, что сами увидите все, что я хотел бы вам сказать» [1, с. 4]. «...Вечность он особенно любил, на ней фиксировал свой взгляд» – писал Розанов о Говорухе [8, с. 462]. И он же о Страхове: «Он стоял около «вечных истин», немногих в религии, немногих в философии, немногих в искусстве, даже в публицистике – немногих; не у него (Стр.) – немногих, а в деле самом – немногих; и не отходил отсюда, и умолял других не отходить» [8, с. XI].

Своеобразный аспект выделяет Говоруха и во второй части статьи, посвященной научно-философским работам Страхова. Он считает важным обратить внимание на различие, часто ускользающее от внимания далекой от научного мира публики. Страхов, «глубоко уважая науку, очень скептически относился к ученым» как узким специалистам, «мало ценил познания, взятые сами по себе, не просветленные глубокою мыслью, проникновением таланта, не собранные воедино в строгом философском мировоззрении. В ученом, как и в литераторе, он прежде всего ценил *дарование*. <...> Будучи сам глубоким ученым, но не принадлежа к касте, стоя вне ее, он и здесь сохранял свободу своего взгляда, <...> совершенную свободу от какого бы то ни было слепого преклонения перед какими бы то ни было авторитетами» [1, с. 5]. В своих книгах научных и философских Н.Н. Страхов «противопоставлял *голос науки* голосу ученого мира» [1, с. 5].

Наконец, Говоруха-Отрок пишет еще о литературном критике Страхове. Напоминая, что Страхов считал себя последователем Ап. Григорьева, Говоруха считает, что это «слишком скромно»: правильнее сказать, что, разделяя взгляды Григорьева на задачи критики, он «развивал эти взгляды и прилагал их к делу чрезвычайно оригинально» [1, с. 5]. Вспоминая заслуги Страхова в оценке и анализе творчества Толстого, Говоруха выражает оригинальное мнение, что работа «гораздо более значительная» – «Заметки о Пушкине»: «на мой взгляд, никогда еще до тех пор поэзия Пушкина, его личность и его трагическая судьба не были объяснены с такою глубиной и ясностью, как на этих немногих страницах» [1, с. 5]. Малоизвестность этой книжки, как предполагает Говору-

ха-Отрок, «от того, что изложение нашего автора, несмотря на свою точность, ясность и простоту, или, вернее, именно вследствие этих своих качеств, представляется очень трудным для большинства читателей. Эти такие простые, точные, ясные писания для усвоения своего требуют чрезвычайного напряжения мысли. Это потому что тут каждое слово нужно и на месте, что тут нет и тени фразеологии. Между тем наше читающее общество своим обыкновенным чтением именно и приучено к неопределенности мысли и к неопределенности ее выражения. Чтобы читать Страхова, надо совершенно отказаться от умственной лени...» [1, с. 5]. Здесь – с одной стороны, полное совпадение в суждении со Шперком – очевидно, мысль эта запомнилась Говорухе из статьи Шперка, и она вполне созвучна его собственному пониманию истоков «простоты» страховских текстов. Но есть и неожиданный новый поворот в этом «повторе»: примером трудной книги взят не философский и не научный труд, а «Заметки о Пушкине» – книга статей, которую академические литературоведы оценивали и оценивают до сих пор очень скромно, «по-радловски», как книгу для школьников, повторение Григорьева и Белинского. Покамест остается неясным, почему Говоруха-Отрок, довольно решительно заявивший, что Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» 1880 г. «лишь повторил Григорьева и развил его мысли» [2, с. 205], счел пушкинские заметки Страхова важнейшими.

* * *

Н.Н. Страхов, автор, стремившийся и умевший писать прозрачно ясные тексты о самых сложных вопросах философии, науки и поэзии, неоднократно вызывал упреки в недосказанности, неясности его собственных философско-мировоззренческих оснований и принципов. Он многократно признавался, что чувствует и понимает себя сам как человек скептический, колеблющийся, сомневающийся (см.: [7, с. 162, 168, 214, 289, 328 и др.; 5, с. 994]). Выступая в своих статьях, книгах и письмах с разумным убеждением читателя-собеседника в абсолютности «вечных истин», Страхов признавался, что не чувствует себя спокойно и твердо «верующим», т.е. вполне охваченным и проникнутым этими истинами [см.: 8, с. 473-478, 487-491]. При всей своей богатой, разносторонней натуре Страхов виделся разным «наблюдателям» в разном свете их собственных «очков»: никто не мог вполне причислить его к своему лагерю, удержать под своими «знаменами», но каждый при желании всегда находил у него подтвержде-

ния своим самым заветным идеям – так же как и оппонент находил свои опровержения. Страхов много спорил со своими современниками по актуальным проблемам развития науки, литературы, общественных идей и снискал у них репутацию писателя, у которого «все только тонкая и верная критика, да разные “уклонения”, “умалчивания”, “нерешительность” и “притворство”» [9, с. 343.]. Но так о нем судили люди, сформировавшиеся в бурные полемические 60-е годы, его боевитые и решительные сверстники-концептуалисты – И. С. Аксаков, А. М. Бутлеров, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Некрасов, И. М. Сеченов, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский и др. Когда же в большой разговор вступили «дети» страховского поколения – Вл. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. Я. Грот и пр., ровесники же стали один за другим стремительно уходить, бессемейный, бездетный Н.Н. Страхов оказался в конце своей жизни в ситуации «отцов», которых судят уже не только с точки зрения их правоты и убедительности, но и с точки зрения продуктивных предрассудков нового времени, новой «эпохи». Страхов откровенно был рад узнать, что он интересен молодым поколениям (см., напр., сообщение Л.Н. Толстому в июне 1893 г. о «колонии славянофилов» – сообществе консервативно настроенных молодых литераторов: [7, с. 443-444]), внимательно следил за новыми именами в литературе и радовался каждому новому таланту.

Среди этих молодых одаренных писателей, встретившихся Н.Н. Страхову в 1890-е годы, на исходе его дней, выделяются особо Ю.Н. Говоруха-Отрок и Ф.Э. Шперк. Первый – из «сыновей», второй – уже из «внуков», они внезапно ушли из жизни сразу вслед за Страховым, и уже этим привлекают внимание исследователей страховского окружения. Можно обнаружить немало интересных проявлений «духа новых поколений» [9, с. 70], поколенческих черт различия в понимании личности и творчества философа, в которых проявляется постепенное увеличение дистанции, отдаление Страхова в историю, в прошлое, которое должно было еще через поколение увенчаться историческим «разбором» и оценкой его места и роли в русской философии, науке, литературе, – но в силу трагического поворота истории (предсказанного Страховым в его «Письмах о нигилизме») отложенного до нашего времени.

Размышление над первыми критическими очерками о Н.Н. Страхове наводит на оптимистический вывод-надежду на то, что и мы с нашей исторической дистанции можем не только лучше современников оценить его роль и место в русском

интеллектуальном процессе, но и более частным образом оценить ранее не замеченные сюжеты и оттенки страховского философского творчества, его глубокой и привлекательной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говоруха-Отрок Ю.Н. (Ю. Николаев) Н.Н. Страхов // Московские ведомости. 1896. 1 февраля. № 32. С. 4–5.
2. Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М.: Институт русской цивилизации, 2015.
3. Ильин Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе) // Страхов Н.Н. Мир как целое. М.: Айрис-пресс; Айрис-Дидактика, 2007. С. 5–62.
4. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008.
5. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. В 2 т. Т. 2. М.: Гос. музей Л.Н. Толстого; Ottawa, 2003.
6. Ольхов П.А. Здравый смысл и история: (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.
7. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. Об-ва Толст. музея, 1914.
8. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913.
9. Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
10. Скатов Н.Н. Н. Н. Страхов (1828–1896) // Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб.: РХГИ, 2000. С. 3–41.
11. Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма. СПб.: Алетейя, 2010.
12. Щербакова М.И. «Вместо дневника – письма к вам»: из переписки Н.Н. Страхова с Иоанном Сквирским // Москва. 2004. № 10. С. 186–206.
13. Gerstein, L., 1971. Nikolai Strakhov: philosopher, man of letters and social critic. Cambridge: Harvard University Press.

REFERENCES

1. Govorukha-Otrok, Yu.N., 1896. N. N. Strakhov. *Moskovskie vedomosti*, no. 32, pp. 4–5. (in Russ.)
2. Govorukha-Otrok, Yu.N., 2015. *Ne boisya bit' pravoslavnim, ili Russko-pravoslavnaya ideya* [Do not be afraid to be Orthodox or Russian Orthodox idea]. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii. (in Russ.)

3. Ilyin, N.P., 2007. Posledniaya taina prirodi (O knige “Mir kak tseloye” i ee avtore) [The last mystery of nature (About the book «The world as a whole» and its author)]. In: Strakhov, N.N., 2007. Mir kak tseloye [The world as a whole]. Moskva: Ayrispress; Ayris-Didaktika, pp. 5–62. (in Russ.)
4. Ilyin, N.P., 2008. Tragediya russkoy filosofii [The tragedy of Russian philosophy]. Moskva: Ayrispress. (in Russ.)
5. Donskov, A.A. ed., 2003. L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov: polnoe sobranie perepiski [L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov: the complete collection of correspondence]. Moskva: Gos. muzey L.N. Tolstogo; Ottawa, Vol. 2. (in Russ.)
6. Olkhov, P.A., 2009. Zdraviy smisl i istoriya: (zametki k polemicheskoy epitafii N.N. Strakhova «Vzdokh na grobe Karamzina») [Common sense and history (notes to N.N. Strakhov’s polemical epitaph «Sigh on the Karamzin’s coffin»)], Voprosy filosofii, no. 5, pp. 125–132. (in Russ.)
7. Modzalevsky, B.L. ed., 1914. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovim. 1870–1894 [Correspondence of L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. 1870–1894.]. Sankt-Peterburg: Izd. Ob-va Tolst. muzeya. (in Russ.)
8. Rozanov, V.V., 1913. Literaturnie izgnanniki [Literary exiles]. T. 1. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
9. Rozanov, V.V., 2001. Literaturnie izgnanniki: N.N. Strakhov. K.N. Leontiev. [Literary exiles: N.N. Strakhov. K.N. Leontiev]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
10. Skatov, N.N., 2000. N. N. Strakhov (1828–1896). In: Strakhov, N.N. Literaturnaya kritika [Literary criticism]. Sankt-Peterburg: RHGI, pp. 3–41. (in Russ.)
11. Shperk, F.E., 2010. Kak pechal’no, chto vo mne tak mnogo nenavisti... [How sad that I have so much hate in my soul ...]. Sankt-Peterburg: Aleteya. (in Russ.)
12. Shcherbakova, M.I., 2004. “Vmesto dnevnika – pis’ma k vam”: iz perepiski N.N. Strakhova s Ioannom Skivskim [«Instead of a diary – my letters to you»: from correspondence of N.N. Strakhov with John Skivski], Moskva, no. 10, pp. 186–206. (in Russ.)
13. Gerstein, L., 1971. Nikolai Strakhov: philosopher, man of letters and social critic. Cambridge: Harvard University Press.

